

И. П. МЕДВЕДЕВ

ОСНОВАНИЕ ГОРОДА МИСТРЫ. x/

В эпоху Византийской империи процесс урбанизации приобрел специфические черты и привел к появлению ряда так называемых "новых городов", которые по своему происхождению, функциям и судьбам отличаются от городов, возникших в результате выделения ремесла из других видов производственной деятельности и превратившихся в центры ремесла и торговли. Так как византийский город покоился главным образом на эллинистическом и греко-римском основании¹, то в исторической литературе утверждается мнение, что "о конечной причине возникновения городов в Византии говорить не приходится" и что так называемые "новые города" являлись в большинстве случаев перенесением центра города в подгородное поселение".² Отмечая ценность такой постановки вопроса, мы все же полагаем, что это ни в какой мере не снимает необходимости изучения проблемы происхождения "новых городов", ибо само такое перемещение античных городов в пространстве и существование их на новом месте под новым именем, а также действия факторов, вызвавших этот процесс, влекли за собой целый комплекс географических, топонимических и демографических превращений, серьезных экономических и социальных изменений. Поскольку Мистра обычно упоминается в числе этих "новых городов", нам кажется интересным конкретно-насколько это возможно! — представить себе картину ее возникновения, тем более, что факторы, способствовавшие ее появлению, обусловили в какой-то мере исторические судьбы этого весьма своеобразного города, столицы греческого княжества в Море, одного из крупнейших политических и культурных центров в Поздней Византии.

x) Данная работа представляет собой доклад, прочитанный автором 16 декабря 1965 года в Тбилиси на заседании секции истории и истории права УП Всесоюзной конференции византистов.

Начиная уже с Мелетия, который объявил Мистру творением ахейского князя Гильома II Вильярдвуэна (ὁ Μιστρῶν Δραῖς εἶναι κτίσμα τοῦ Πρίγκιπος),³ принято считать годом основания Мистры 1248 год. По этой причине нам представляется более рациональным начать рассмотрение источников, связанных именно с этим событием. Основным из источников, разумеется, остается Морейская хроника (с привлечением всех ее четырех версий: греческой, итальянской, французской и аргонской) достоинства которой хорошо хорошо известны исследователям. Важным источником является также греческая хроника, известная под названием хроники Дорофея или Псевдо-Дорофея вернее, ее позднейшее добавление о завоевании франками Мореи (Περὶ τοῦ ποτὲ ἐπὶ τὴν αἰ Φράγκοι τὸν Μορέαν).⁵

Итак, в то время как столица империи в 1204 г. была захвачена и разграблена крестоносцами, некоторые провинции оказали им сопротивление. Особенно это должно быть отмечено в отношении Пелопоннеса. Однако покорение крестоносцами этой страны происходило неравномерно. Равнинные области северо-западной части Пелопоннеса вынуждены были уступить завоевателям. В Андровиде жители встретили их с крестами и иконами на руках.⁶ Правда, Андровида была расположена в долине и открыта со всех сторон, не имея для защиты ни башен, ни стен,⁷ но и укрепленные города (Патры, Коринф, Аргос и др.) сдавались после первого же штурма.⁸

Однако в гонимых юго-восточных районах Пелопоннеса крестоносцы натолкнулись на серьезное сопротивление. "Когда греки внутри страны узнали о нашествии, то все, и конные, и пешие, собрались из Никли, Велигости и Лакедемонии. От горного хребта Мелингов прибыли их пешие войска".⁹ Битва произошла в Аркадии, близ местечка Капсикия. Несмотря на то, что на стороне греков был значительный численный перевес (их армия насчитывала 4 000 человек, пеших и конных,¹⁰ а франков было, по колеблющемуся мнению хрониста, всего 700 человек),¹¹ франки выиграли битву. Если даже автор хроники сознательно не преувеличивал этой разницы в численности войск (тенденция хрониста, принадлежавшего, вероятно, к придворным кругам Морейского княжества, изобразить греков в невыгодном для них свете хорошо известна),¹²

то и тогда это поражение греков, впервые столкнувшихся с такого рода противником, вполне объяснимо. В своих легких одеждах, с луками в руках они вряд ли могли противостоять в открытом бою закованным в железо и вооруженным тяжелыми мечами и длинными копьями французским рыцарям. В одном месте хроники говорится, что "один франк на коне стоит 20 греков" ($\alpha\lambda\epsilon\iota\alpha\zeta\epsilon\iota\ \Phi\rho\alpha\upsilon\kappa\omicron\varsigma\ \epsilon\iota\varsigma\ \rho\eta\tau\iota\ \delta\iota\alpha\ \epsilon\iota\kappa\omicron\sigma\iota\ \rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\upsilon\varsigma$).¹³

Тем не менее, выступления греков этих областей весьма показательны. Хронист пишет, что "это была единственная битва/имеется в виду встреча завоевателей в открытом бою—И.М./, которую греки дали в эпоху подчинения Морей франкам".¹⁴ С этого времени сопротивление концентрируется в укрепленных городах этого района. Жители Лакедемонии, которая, как пишет хронист, была в это время "крупным городом, с башнями и стенами, построенными с применением извести",¹⁵ серьезно укрепились, с явным намерением не сдаваться. Пять дней город был окружен франками; день и ночь шло сражение. Из Никли франки привезли осадные машины и непрерывно бомбардировали город. Наконец, после того, как башни были разрушены и многие из жителей убиты, город капитулировал при условии, что жители сохранят свои дома и свои привилегии.¹⁶

Но основным и постоянным очагом сопротивления стали области, населенные славянскими племенами, особенно горные районы Тайгета, где обитали Мелинги и Езериты. Первые занимали западный склон Тайгета между Яницей и Зарнатой, а Езериты—области, простиравшиеся к юго-востоку, а район античного Гелоса, до Ватикки.¹⁷ Эти независимые и воинственные горные племена доставляли много беспокойства еще византийским властям, упорно сопротивляясь попыткам подчинить их.¹⁸ Византийские авторы единодушны в выражении своей ненависти к ним. "Житие" св. Никона, например, описывает Мелингов как кровожадное племя, живущее разбоем и грабежом.¹⁹ Морейская хроника тоже характеризует Мелингов как "высокомерных людей, не почитающих господина" ($\alpha\upsilon\tau\omega\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \alpha\lambda\alpha\zeta\omicron\nu\kappa\omicron\upsilon\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \omicron\upsilon\ \sigma\iota\beta\omicron\nu\tau\iota\ \alpha\phi\ \acute{\epsilon}\nu\tau\eta\nu$).²⁰ Естественно, что и латинским завоевателям они оказали сильное сопротивление, укрепившись в своих неприступных горных твердынях. Прошло уже почти 50 лет со времени появления крестоносцев в Морее, а юго-восточная часть Пелопоннеса продолжала оставаться

ся независимой.

Ахейский князь Гильом II Виллардуэн принял следующее решение: построить целую систему укреплений, крепостей и таким образом блокировать горцев в их тверднях, закрыть выходы из ущелий по которым горцы делали свои набеги. Главным звеном в этой системе должна была стать Мистра.

С помощью венецианских галер после трехлетней осады он заставил капитулировать Монемвасию,²¹ через которую императорский флот имел возможность оказывать помощь грекам Пелопоннеса, покорил горцев Пориона и после этого отправился со своими людьми в "славянские горы" (*a las montañas de los Esclanones*, т.е. на Тайгет).²²

Автор дополнения к хронике Псевдо-Дорофея сообщает, что князь Гильом, находясь в Лакедемонии, "созвал совет из своих военачальников и спросил их, какая местность нравится им для постройки сильной и надежной крепости".²³ Они ему посоветовали строить ее на вершине горы, которая находится в двух милях от Лакедемонии, ибо "нет другого места лучше и надежнее, чем это".²⁴

В Морейской хронике несколько варьируется это сообщение. В ней говорится, что на совете в Лакедемонии военачальники, ссылаясь на усталость после трехлетней кампании, советовали князю распустить своих вассалов по домам, а самому со своим двором остаться в Лакедемонии и провести в ней зиму.²⁵ Гильом согласился с этим, а весной направился вместе со своей свитой в окрестности Монемвасии, Гелоса, Пассава и в соседние области.²⁶

Во время этой поездки он и встретил "расположенный на вершине горы причудливый, выделяющийся холм, на расстоянии чуть больше мили от Лакедемонии" (*ἕβρεν βουνὸν παράξενον, ἀποκομμὸν εἰς ὄρος ἄνωθεν Λακεδαίμονιας Κανένα μίλι πλείον.* ^{3?}

Этот скалистый холм высотой в 634 м находится на расстоянии 5 км к западу от Спарты, возвышаясь у самого входа в Лангаду, одно из нескольких пересекающих Тайгет поперечных ущелий, соединяющее Лаконику с Мессенией—единственный путь, по которому горцы могли делать массовые набеги. Но построенная на этом холме крепость наблюдала бы не только за этим ущельем, но и за всем бассейном Эврота. Таким образом, в стратегическом и тактическом отношении место для постройки крепости было безукоризненным.²⁸ Гильом сразу же "оценил это и отдал распо-

ряжение построить крепость, которую назвал Мизитрий."

В Хронике Псевдо-Дорофея сообщается, что для строительства были подвезены все необходимые материалы: известь, строительный камень, лес и другое оборудование".²⁹ Очевидно, основную массу их составили как развалины античной Спарты, так и византийской Лакедемонии, ибо это наблюдается постоянно и позднее. Французский путешественник Ла Гильетер писал, что, несмотря на обилие превосходного мрамора в карьерах Лаконики, мистраиты предпочитают использовать для своих построек мрамор античных руин, ибо "не прилагая труда, его достаточно находят в этих развалинах".³⁰ Результат строительства источники оценивают как "нечто возвышенное и красивейшее" (τὸ ὑψηλὸν καὶ εὐμορφότατον),³¹ как блестящий замок и большую крепость", (λαμπρόν κάστρον καὶ μέγα δυνάμειν).³² Эти оценки относятся, очевидно, к самой первой и самой значительной франкской постройке-крепости, которая расположилась на всей вершине холма, имеющей форму плато с легким наклоном к югу. Кольцо мощных крепостных стен окаймляло плато. Северо-западная часть крепости занята замком с донжоном, внутри окруженным собственным крепостным валом.³³ Здесь была резиденция франкского князя. В первом дворе вдоль стены располагались жилища рыцарей.³⁴ На южной границе возвышалась круглая башня, с которой велось наблюдение за долиной и острогами Тайгета, где обитали Меллинги. Важнейшей проблемой оставалась проблема водоснабжения. В различных местах скали и в подземелье донжона были оборудованы специальные резервуары или цистерны для приема дождевой воды.³⁵

Все эти принципы фортификации типичны для такого рода сооружений-франкских замков на Леванте. Очевидно, крепость строилась по французским чертежам и французскими инженерами, хотя мастера и подмастерья, судя по хронике Псевдо-Дорофея, которая сообщает, что для постройки крепости "были собраны мастера и подмастерья" (ἐμαζώχθησαν μάστοροι καὶ ὑποργοί),³⁶ рекрутировались из местного лаконийского населения.

В политическом отношении Мистра сразу же стала выполнять задачи, для которых она предназначалась. С постройкой двух других крепостей-Майны и Левитрона-возведение фортификационной системы было в основном закончено, и, опираясь на эти три крепости, князь "подчинил всю славянскую область и мог спокойно проезжать все княжество, которое он завоевал и которое он вла-

Спрашивается, можно ли считать постройку крепости годом основания Мистры? Для этого пришлось бы доказать, что этот холм и местность до прихода франков были совершенно пустыни, а с их приходом стали усиленно заселяться. Самым решительным опровержением этого является утверждение архиепископа Анания о том, что "во времена распространения власти римских цезарей плачевное состояние и недостаток людей повергли спартиатов в страх, и в качестве убежища они и построили этот город. С приходом цезарей знатные и богатые сбежали, а бедные были обращены в рабство. Позднее город был восстановлен его гражданами".³⁸ Таким образом, Ананий полагал, что Мистра существовала с римских времен, но не привел в подтверждение своего мнения никаких доказательств. Видимо, ему была не известна даже Морейская хроника, хотя он знал, что местная традиция приписывает основание города морейскому князю Гильому II Вильярдуну, но считал это мнение ошибочным.

Сотириу полагал, что холм "был совершенно пустынен вплоть до середины XIII в.",³⁹ но по утверждению Орландоса, "ненаселенной была только верхушка холма; у его подножия уже с XII в. существовал монастырь св. Димитрия".⁴⁰ Интересные соображения по этому поводу высказал в своей недавно изданной книге Рихард Хаушильд.⁴¹ Мотивируя "поражающей несимметричностью" восьмикупольной церкви монастыря Панагии Периблептос ("даже пара бее отен не стоит под прямым углом" — говорит он) и тем, что значительная часть церкви встроена в пещеру скалы, он делает заключение, что монастырь был возведен на месте старого христианского сакрального сооружения, первоначальная форма которого была "почтительно сохранена в такой необычной форме поздней церкви", а что это последнее христианское святилище в своем очертании было воздвигнуто на месте языческого.⁴² Основываясь на Павсании, который в 3-ей книге своей *Περὶ ἑλλάδος περιήγησις* сообщает, что между двумя горами Тайгета поблизести старой Спарты находимся Элевсион, вероятно святилище Керы, дочери Деметры, Хаушильд полагает, что Панагия Периблептос как раз и стоит на месте этого старого Элевсионя. Кроме того, Хаушильд утверждает, что церковь св. Димитрия "своим нынешним видом обязана перестройке, которая заступила на место старой, с

деревянным покрытием базилики, возникновение которой восходит еще к 7-8 веку", ⁴³ т.е. датирует эту церковь гораздо более ранним временем, чем Орландос.

Как бы то ни было, если даже отвлечься от крайних мнений (таких, как у Анания, доказать которые трудно), нужно признать, что задолго до франков на месте Мистры уже было какое-то поселение. Ведь если были монастыри, то были и какие-то хозяйства вокруг них. Разумеется, ни о каком послении городского типа говорить не приходится, но и за весь 14-летний франкский период Мистры (в 1248 г. крепость заложена, и в 1262 г. перешла в руки греков), города тоже не возникло. На основании археологических исследований ⁴⁴ можно заключить, что кроме крепости на вершине и нескольких построек (временами весьма значительных, как например, некоторые части позднее сформировавшегося дворцового квартала) от франкского господства ничего не осталось.

Правда, в конце XIII столетия жители Мистры заверяли Фурмона, что князь Гиљом начал укреплять их город с намерением привлечь жителей Лакедемонии, ⁴⁵ но все заставляет думать, что какого-либо значительного заселения холма в франкскую эпоху не произошло. Косвенным доказательством является молчание источников, да это и понятно, ибо здесь более, чем где бы то ни было, местное население сопротивлялось завоевателям, и о сотрудничестве между ними не могло быть и речи.

Капитальной датой в истории Мистры является 1262 год, когда Гиљом II вынужден был, просидев три года в императорской тюрьме в результате поражения при Пелагони в 1259 г., отдать за свое освобождение Монемвасию, Майну и "прекрасную крепость Мизитру". ⁴⁶ Правда, осуществление этого плана натолкнулось на сопротивление герцога Афинского, который прекрасно понимал, что если бы император овладел этими тремя крепостями, то "однажды настолько бы усилился и послал бы туда сухопутное и морское войско, что выгнал бы франков из Мореи и сам бы занял ее". ⁴⁷ Поэтому он заявил на "дамском парламенте" ⁴⁸ в Никли, что лучше, если умрет один князь, чем позволить, чтобы и остальные франки Мореи потеряли их наследственные владения (τὰ ἑσπικὰ), заработанные трудом их отцов. ⁴⁹ Однако, когда ему стали доказывать, что, поскольку Монемвасия завоевана самим князем, Майна и

Мизитра были построены тоже им самим, то было бы несправедливо, чтобы он и его люди умерли в тюрьме,⁵⁰ герцог Афинский вынужден был согласиться. Мистра была первой передана грекам.⁵¹ Правда, соглашаясь на условия, которые предложил император, князь Гильом, как сообщает хронист, всегда питал заднюю мысль «использовать все способы и уловки, чтобы вернуть места, которые он отдал».⁵² Поэтому, несмотря на клятвы, заключенные с императором, несмотря на то, что он стал крестным отцом императорского сына, приняв участие в его крещении,⁵³ князь Гильом по прибытии в Морев сразу же собрал своих рыцарей и направился прямо в Лакедемонию.⁵⁴ В описании хрониста перед нами встает живая картина: с высоты укреплений Мистры греки с тревогой наблюдают за приближающейся армией морейского князя.⁵⁵ Одновременно ведутся переговоры с Мелингами. Последние охотно вступили в соглашение с греками Мистры и «поклонились оставить франков и встать на сторону императора». Начинается длинный ряд войн за установление гегемонии над Пелопоннесом.

С переходом Мистры в руки греков заканчивается, собственно говоря, предыстория этого города, ибо только с этого времени Мистра становится городом в полном смысле этого слова. Начинается массовое заселение холма, о чем красноречиво говорят источники. Из Византии прибыло сильное и многочисленное войско: сперва с Макринадом — 1500 турецких наемников и около 2000 азиатских греческих воинов,⁵⁶ а затем еще 1000 человек с родным братом императора, севастократом Константином, причем, как говорит хронист, это был цвет греческого войска (τὸ ἀνδρῶν τῆς Ρωμαϊκῆς).⁵⁷ Но самым интересным сообщением является то, что когда Гильом II Вильярдюэн, вернувшись с помощью от Карла Анжуйского, решил возвратить себе Мистру и прибыл для этого в Лакедемонию, он узнал, что «большая часть греческих жителей этого города перешла со своими семьями в крепость Мизистру» (Ῥωμαῖοι γὰρ οἱ πλεώτεροι τῆς χώρας γὰρ ἐκείνης ἐδιέσθησαν συρραμελοῖ ἐτοῦ Μαιζιδροῦ τὸ κάστρον).⁵⁸ Причем важно отметить, что население Мистры составилось не только из населения Лакедемонии, как это иногда отмечается, но и из населения окрестных деревень (ἀπὸ τοῦ κάστρου τῶν λαόν, τοὺς τοπικοὺς ἐκείνους).⁵⁹

В это же время началась и интенсивная застройка холма. Штрук, специально исследовавший эту первоначальную застройку, говорит, что она „носит характер вынужденного строительства... В группах домов нет порядка, улицы сохраняют направление старых горных тропинок”.⁶⁰ Заседание происходило вполне определенным образом: резиденцией императорского наместника и местом размещения гарнизона была цитадель города, крепость; особняки же византийской знати группируются вокруг дворцового квартала и образуют верхний город, в то время как основная масса жителей расселяется на двух нижних третях холма, образуя нижний город. Закладываются, таким образом, основы того архитектурного облика города, который полностью сформируется позднее.

х х
 х

Интересным вопросом, вызвавшим большую литературу, является вопрос о происхождении названия „Мистра”. Хаджидакис показал, что оно произошло от названия Μυζηθροῦς путем сокращения безударной ослабленной гласной „η”, благодаря чему Μυζηθροῦς превратилось в Μυθροῦς или в Μυετροῦς.⁶¹ Некоторые хроники XIV в. (например, итальянская версия Морейской хроники и хроника Марино Санудо) воспроизводят уже это написание - mistra.⁶² Но откуда появилось само название Мизитра или Мизистра? Народная традиция связывает его с наименованием определенного сорта сыра - козьего сыра. Гилетьер писал, что Мизистра - это название горы и ручья, на которых расположен город.⁶³ „Так как скалы и берега вокруг переполнены стадами коз и так как из молока этих животных там делают прекрасные сыры, называемые в простонародье Мизитрой, большинство жителей говорили мне, что отсюда и произошло это современное наименование”.⁶⁴

Эту этимологию, показавшуюся Гилетьеру „смешной” (*étimologie ridicule*) не приняли сначала и исследователи. Так, Джанж считал, что наоборот, из названия местности Μυζηθροῦς было выведено и название сыра μυζήθρα.⁶⁵ К этому мнению присоединился Крумбахер, поясняя, что съестные припасы, напитки, промышленные изделия и т.п. берут свое название по местности, где они производятся,⁶⁶ а греческий исследователь Ангел

Каппотос вообще утверждал, что название города Μυζήθρας , не имея ничего общего с названием сыра μυζήθρα является искажением французских слов *maison du trône* и означает местонахождение столицы Морейского княжества.⁶⁷ Ошибочность последнего мнения очевидна. Хаджидакис правильно заметил, что «кажется совершенно невероятным такое законченное превращение наименования за столь короткое время от постройки крепости в 1249 г. до 1325 г., т.е. до написания Морейской хроники, в которой и присутствует в разных вариантах наименование Μυζήθρας ».⁶⁸

Опубликованная Шмиттом копенгагенская рукопись Морейской хроники сообщает, что князь Гильом назвал крепость Мизистрой, «... δίοτι τὸ ἔκραζαν οὕτως».⁶⁹ фраза достаточно неясная и даже неудобная для перевода. Что означает слово τὸ? Холм, который раньше назывался Мизистрой? Хаджидакис считает, что это было именно так, ибо мотивировка не могла бы иметь никакого смысла, если бы она не относилась к холму. Следовательно, заключает он, и наименование крепости не могло быть западно-европейским, французским.⁷⁰ Фальмерайер тоже убежден, что никогда бы французскому дворянину просто так не пришло в голову наименование Мизитра.⁷¹ Однако, в соответствии со своей чересчур тенденциозной и скомпрометировавшей его «славянской теорией» он и в отношении Пелопоннеса утверждает, что с приходом славян на полуострове «многое, да почти все стало новым», делая такой вывод на основании сравнения морейских местных названий с старогреческими.⁷² В частности он полагал, что и наименование Мизитра или Мизистра, слог стра которого есть общее окончание славянских собственных и нарицательных имен как и слоги ова, ица, аст, ост - совершенно противоречит природе греческого языка и является славянским по происхождению.⁷³ Работы ученых-лингвистов опровергают эти выводы Фальмерайера и сторонников славянского происхождения этого названия.⁷⁴ Исследуя этимологию слова μυζήθρα (сорт сыра в Греции), Коранс показал возможность его происхождения от слова μυζω - осать,⁷⁵ а Мейер (G. Meyer) - от слова ζυμῶ - квасить, полагая, что ζυμῆθρα - это перевернутое μυζήθρα .⁷⁶ Продолжая их исследование, Хаджидакис проследил органическое

развитие $\mu\upsilon\zeta\eta\theta\rho\alpha$ (сорт сыра) в $\mu\upsilon\zeta\eta\theta\rho\alpha\varsigma$ (название изготовителя и продавца этой мизитры), причем это профессиональное имя могло, очевидно, стать собственным $\text{Μυζηθ-}\rho\alpha\varsigma$.⁷⁷ Постепенно местность получила название по имени ее владельца.

Тщательное лингвистическое исследование Хаджидакиса не позволяет сомневаться в его выводах, которые подтверждаются рядом аналогичных исследований. Известно, что с этого времени начинается употребление фамилий у византийцев, и между прочим, профессии дали повод к образованию многих из них. Миляракис пишет, что все эти $\text{Μαμουνα}\varsigma$, $\text{Βουτσα}\rho\alpha\varsigma$, $\text{Κρασσα}\varsigma$, $\text{Μυλων}\alpha\varsigma$, $\text{Σιδε}\rho\alpha\varsigma$ и др. произошли именно таким образом.⁷⁸ В тезисах к своему докладу мы склонны были расценивать сообщения хроники Псевдо-Дорофея (князь назвал крепость Мизитрой (... διότι ὁ τόπος ἐκείνος ἔτι ἐλέγετο Μιζηθραῖς καὶ Ἑλληνικὰ λέγεσθαι Σπάρτα),⁷⁹ как подтверждение мнения Фальмерайера, полагая, что здесь греческое название Спарта как бы противопоставляется негреческому - Мизитре.⁸⁰ Однако, более внимательное рассмотрение привело нас к другому выводу. Дело в том, что авторы времен составления Хроники Псевдо-Дорофея под Ἑλληνικὰ всегда имеют в виду древнегреческий язык, а современный им греческий язык обозначают термином „койнэ". Поэтому указанное место Хроники нужно переводить следующим образом : князь назвал крепость Мизитрой, „так как это место (на койнэ) называлось Мизитрой, а на древнегреческом именуется Спартой", а это уже скорее подтверждает мнение Хаджидакиса, чем Фальмерайера.

x x
 x

Вплоть до начала XIX века огромное количество литературы было посвящено разрешению топографической проблемы, связанной с именами Спарты и Мистры.⁸¹ Точки зрения о том, нужно ли отождествлять оба города или нужно отделить их друг от друга, долгое время были диаметрально противоположны. Отождествлению их особенно много способствовали описания путешественников, основывающихся большей частью на личном осмотре и часто принимав-

ших Мистру за то место, где когда-то лежала Спарта. Так, Ла Гилетьер «находит» среди руин дворцового квартала Мистры дома Менелая, храмы Елены, Геркулеса и Венеры с Дромосом и Платаниста-сом.⁸² В действительности же эти здания не имели никакого отношения к руинам Спарты, само местонахождение которой, как совершенно справедливо отмечает Д.Закитинос, было далеко от средневекового города.⁸³ Эти ошибочные положения Ла Гилетьера воспроизводятся, частично дословно, в различных итальянских произведениях,⁸⁴ а также становятся достоянием некоторых профессиональных географов, как например, Ф.Клювера или Хр.Келлариуса, которые упоминают только Спарту или Лакедемон, но не Мистру.⁸⁵

Напротив, даже чуть раньше, чем Ла Лилетьер — в 1676 г. — англичанин Ф.Вернон дифференцировал оба города, к мнению которого присоединились Спон, Велер, Леруа,⁸⁶ а в XIX веке — Бюшон. Последний утверждал, что в действительности «имеется три города Спарты, сильно отличающиеся один от другого как по условиям их исторического существования, так и по их местонахождению: Спарта античная, Лакедемония средних веков и Мистра Вильардуэнов (я бы назвал: Мистра Кантакузинов и Палеологов — И.М.1)». ⁸⁷ Античная Спарта была расположена в долине, примерно на месте современной Спарты, и простиралась до холмов, к которым примыкают остатки амфитеатра.⁸⁸ Византийская Лакедемония находилась на четырех холмах, рядом с Эвротом, и это, говорит Бюшон, определено самым неоспоримым образом византийскими стенами, которые опоясывают эти холмы.⁸⁹ И, наконец, Мистра — в 5 км от этих пунктов. Столь резкая в топографическом отношении дифференция этих мест кажется нам мало убедительной. Бюшон основывается на тех остатках разрушенных зданий, которые по сути дела были центрами существовавших в разное время вышеназванных поселений. Но известно, что дома нового города Мистры спускались вплоть до края долины Эврота,⁹⁰ захватывая, очевидно, и те места, где когда-то были расположены античная Спарта и византийская Лакедемония. В этом смысле возникновение Мистры действительно представляется как один из классических примеров перемещения центра города, превращения одного из предместий в центр городского поселения.⁹¹ Сами греки, видимо, так и расценивали появление нового города, ибо у поздневизантийских авторов (Григора, Кантакузи,

Франдзи, Халкокондил и др.) Мистра выступает только под именем Спарты. Интересно, что Кириак Анконский, посетивший Мистру в 1448 г., посвятил написанный им небольшой трактат о римском календаре деспоту Константину Палеологу, находившемуся, как он пишет, ... ἐν τῇ τῆς ἑλλάδος πρὸς ταῦχέω εἰς ὄρει θεοφιλάκτω ἀκροπόλει μυσσηδρῶ.⁹² Следовательно, Мизитра (Мистра) рассматривалась только как акрополь Спарты. Разумеется, нужно учитывать риторичность такого свидетельства, но, очевидно, действительно вся эта местность, весь этот район Лаконской долины продолжала называться Спартой, а название Мистра относилось только к самому центру города, расположенному на горе.

Итак, генетически Мистра была связана со старой Спартой или вернее, с византийской Лакедемонией. Однако Мистра возникла в специфических условиях — в условиях военного завоевания Пелопоннеса франками (но не с постройки крепости, как это часто утверждается). Перемещение города не было закономерным следствием его собственного развития, а представляло собой единовременный акт, вызванный субъективными причинами и связанный с личной инициативой населения. Выбор места для основания города был вынужденным. При этом первостепенное значение играли соображения военного характера, а экономические функции, очевидно, не принимались в расчет. Разумеется, став в дальнейшем административным центром, столицей княжества, Мистра приобретает определенные экономические функции, но жизнеспособность ее, в конечном счете, зависела все-таки от действия этого временного военного фактора. Когда в 1824 г. было образовано национальное греческое правительство и создались какие-то гарантии безопасности для населения, оно сразу же покинуло город и переселилось в более благоприятное место. Разрушение Ибрагим-пашей Мистры ускорило этот процесс, но не явилось его причиной.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. D.A.Zakythenos. Korreferat zu E.Kirsten, die byzantinische Stadt. Berichte zum XI.Internationalen Byzantinisten-Kongress, München, 1958, V.3, S, 49.
2. М.Я.Свззмов. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. „Античная древность и Средние века" (Ученые записки Уральского государственного университета, выпуск 41), Свердловск, 1965, стр.8. Подробнее о „новых городах" см. II и III разделы работ: E.Kirsten. Die byzantinische Stadt. Berichte zum XI.Internationalen Byzantinisten-Kongress, München. 1958, V.3, SS.19-48; D.A.Zakythinos. Le despotat grec de Morée, II, Athènes, 1953, pp.147-180.
3. Μελετησιου Γεωγραφία παλαιά και νέα, τόμος Β'. Εν Βενετία, 1807, σελ. 416.
4. The Chroniole of Morea, ed. I.Schmitt, London, 1904; Versione italiana inedita della cronaca di Morea, ed. G.Hopf. Chroniques gréco-romanes inédites ou peu connues, Berlin, 1873, pp.414-468; Libro de los Fechos et conquistas del Principado de la Morea, éd. A.Morel - Facio, Genève, 1885; Le livre de la conquete de la princede de la Morée, éd. J.A.Buchon, Recherches historique..., I, Paris, 1845. К сожалению, нам не удалось использовать последнее издание французской версии: Livre de la Conquete de la princede de l'Amorée, éd. Longnon, Paris, 1911.
5. Нами использовано издание Βιβλίον ιστορικόν κύριου Δωροθέου Βενετία, 1814. О литературе по поводу этой хроники см.: И.Н.Лебедева. Списки хроники Псевдо-Дорофея в собраниях Советского Союза, ВВ, XXVI, 1965, стр.100-109.
6. The Chronicle of Morea, 1433-36.
7. Ibid., 1429.
8. Ibid., 1410-22, 1444-59 и др.
9. ... ἐκ τῶν ζυγῶν τῶν Μελιγῶν ἦλθαν τὰ περικὰ τοῦ (ibid., 1718, копенгагенская рукопись). Парижская рукопись 2898 дает другое чтение этого места: ἐκ τῶν ζυγῶν τοῦ Μελιγῶ ἦλθαν τὰ φλευρικά τοῦ. Вероятно, строчка испорчена, потому что непостижимо, ка-

ким образом Мелинги, жившие в горах Тайгета, могли иметь свои суда. Эврот, который при обычном уровне воды в некоторых местах достигает глубины немногим больше одного метра (K.Baedeker, Griechenland, Leipzig, 1904, S.360), тоже несудоходен.

10. The Chronicle of Morea, 1729.
11. Ibid., 1731.
12. Кроме того, как это часто встречается в средневековых хрониках, исчисляться могли только рыцари, а вспомогательная часть войска (оруженосцы и т.п.) могла не приниматься в расчет. В таком случае реальное число франкского войска нужно по крайней мере увеличить втрое.
13. ...
(ibid., 4944).
14. Ibid., 1737-38.
15. Ibid., 2053-54.
16. Ibid., 2055-2060.
17. A.Bon. Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204, Paris, 1951, p.63.
18. D.A.Zakythinou, Οι Σλάβοι ἐν Ἑλλάδι. Συναρολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τοῦ Μεσσαιωνικοῦ Ἑλληνισμοῦ. Ἀθήναι. 1945, σελ.52-53.
19. D.A.Zakythinou. Le despotat..., II, p.25.
20. The Chronicle of Morea, 2995.
21. Ibid., 2905-55.
22. Libro de los Fechos, § 214.
23. Βιβλίον ἱστορικόν, σελ.235.
24. Ibid.
25. The Chronicle of Morea, 2971-78.
26. Ibid., 2981-84.
27. Ibid., 2985-87.
28. Миллер удивляется, как древние спартанцы могли пренебречь такой выгодной позицией (W.Miller. The Latins in the Levant, London, 1908, p.100). Думается, однако, что у последних не возникало такой необходимости. Помимо того, что спартанцы считали унизительным скрываться в укрытиях (вспомните их знаменитое изречение: „Лишь тот город не лишен укреплений, который окружен мухами, а не кирпичами“ (см. Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т.1, М., 1961, стр.68), они вообще не вели оборонительных войн. А если и возникала иногда необходимость защиты, то ей служили, по словам Бедекера, храбрость жителей Спарты, некоторые укрепления на главных подходах и замкнутость страны (K.Baedeker, S.360). Только во время тирании Набиса (192 г. до н.э.) город получил крепостную стену. (Ibid.).
29. Βιβλίον ἱστορικόν, σ. 235.

30. La Guilletière. Lacedemon ancienne et nouvelle, Paris, 1676, II, pp.398-399.
31. Βιβλίον ἱστορικόν, с. 235.
32. The Chronicle of Morea, 2991.
33. M.G.Sotiriou. Mistra. Une ville byzantine morte. Athènes, 1935, p.67.
34. См. план крепости и описание в : A.Struck. Mistra, eine mittelalterliche Ruinenstadt. Wien und Leipzig, 1910, S.141. Во время раскопок в 1827 г. здесь были обнаружены доспехи французских рыцарей: панцирь, шлем с забралом, кольчуга и т.д. (J.A.Buchon: Recherches historiques..., I, p.LV).
35. Эта деталь вообще характерна для архитектуры Мистры. Из-за отсутствия в Мистре водопроводных труб, доставляющих воду какого-нибудь источника во дворцы и др. сооружения (для бытовых нужд или на случай осады), использовалась дождевая вода, собираемая в резервуарах, расположенных в подвалах, при помощи специальных протоков, соединяющих крышу здания с подвалом (A.Orlandos. Τα παλάτια και τὰ ἐπίγεια τοῦ Μυστρά, Αρχαίον Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος, III, (1937), с.л. 24).
36. Βιβλίον ἱστορικόν, с.л. 235.
37. The Chronicle of Morea, 3038-43.
38. Κόνδιξ ἱερὸς τῆς ἀγιοτάτης μητροπόλεως Λακεδαιμονίας составлен Аналием в 1755 г. и опубликован Бушоном в его Recherches historiques sur la principauté française de Morée, t.I, Paris, 1845, LXXVII.
39. M.G.Sotiriou, Op.cit., p.5.
40. A.Orlandos, "Ε.Δ.", с.л. 6.
41. R.Hauschild. Mistra - die Faustburg Goethes, Berlin, 1963.
42. Ibid., S.8.
43. Ibid.
44. А я считаю, что археология не сказала своего последнего слова в отношении Мистры. Еще Штрук заметил, что «до сих пор интерес археологов вызывали только хорошо сохранившиеся здания, церкви и монастыри, деспотский квартал и отдельные дома городского массива» (A.Struck, Op.cit., S.143). Положение не изменилось по сей день, а между тем под горами развалин могут оказаться какие-то остатки самых ранних построек. Да и то, что мы используем в качестве археологических исследований (в том числе указанная работа Орландоса и ряд отчетов А. Adamantiou, Ἐργασίαι εἰς Μυστράν, Πρακτικὰ ἐν Ἀθήναις Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας, 1907, 1908, 1909), собственно говоря, не являются таковыми, а носят скорее искусствоведческий характер.
45. J.P.Fallmerayer. Geschichte der Halbinsel Morea, II, Stuttgart, 1836, S.290.

46. The Chronicle of Morea, 4331. Сведения о количестве мест, переданных Гильомом императору Михаилу Уш Палеологу, весьма различны. Греческая и французская версии Морейской хроники упоминают только о Монеμβасии, Майне и Мизитре; арагонская включает еще Коринф (§§ 297, 308); Пахимер добавляет к числу трех крепостей Гераки и всю область вокруг Гистерны и говорит, что под сомнением оставили Анаплион и Аргос (Ἀναπλιὸν δὲ καὶ Ἀργὸς ἐν ἀμφίβολοις ἴσθια): G. Pachymeris De Michaelis et Andronico Paleologis libri XIII, Bonnæ, 1835, I, 1, p. 87. Никифор Григора говорит, что «князь отдал императору из пелопоннесских городов три наилучших — Монеμβасию, Майну около Левктров (видимо, это ошибка, ибо Майна и Левктры — в разных районах — И.М.1 и третью — Спарту, находящуюся в Лаконике», т.е. Мистру (Nisephoris Gregorae Byzantina Historia, Bonnæ, 1829, I, 4, p. 79).
47. The Chronicle of Morea, 4380-84.
48. На нем присутствовали почти одни только женщины — жены погибших в битве при Пелагонию или сидевших вместе с князем в императорской тюрьме рыцарей.
49. The Chronicle of Morea, 4485-87.
50. Ibid., 4460-64.
51. Ibid., 4500.
52. Ibid., 4353-54.
53. G. Pachymeris, Historia, 1, I, p. 87.
54. The Chronicle of Morea, 4520.
55. Ibid., 4531-33.
56. Ibid., 4554-55.
57. Ibid., 4641.
58. Ibid., 5606-07; ср. также: Livre de la conquête, p. 189).
59. The Chronicle of Morea, 5609.
60. A. Struck, Op. cit., S. 143.
61. Γ. Ν. Χατζιδάκις, Μυζήθρα - Μυζήθρᾶς - Μυστράς, ВВ, II, СПб., 1895, стр. 76.
62. C. Hopf, Chroniques greco-romanes, pp. 108, 116, 447.
63. La Guilletière, Op. cit., II, p. 380.
64. Ibid.
65. В своем греческом словаре под словом μυζήθρα он пишет: „caseus laconicus, Misithraeus, nam et hodie Lacedaemon Misithra appellatur“ (p. 992).
66. Byzantinische Zeitschrift, II, 1893, S. 307.
67. Α. Καρποτός. Μονογραφία περὶ τῆς πόλεως Μυστρά, Kalamata, 1880, p. 41.
68. Γ. Ν. Χατζιδάκις, "Ε. λ., с. 65. Однако следующий аргумент Хаджидакиса против концепции Капποтоса сам по себе кажется нам неприемлемым. Он говорит, что «против этой этимологии вопиет (βού) и история, которая упоминает о местопребывании франкских правителей в Андравиде и Кларенце Элиды, но не в Мизистре Лакедемонии» и аргументирует это тем, что в Андравиде находились моги-

ды отца и брата Гильома II и что именно в Элиде франкские князья имели непосредственные владения (66). Нам не встречалось сведений о том, что после постройки Мистры двор Морейского князя продолжал оставаться в Андравиде или Кларенце. Наоборот, те цели, для осуществления которых строилась Мистра, события, развернувшиеся вслед за этим, предполагают местонахождение этого двора именно в Мистре. Арагонская версия сообщает, что, когда весть о битве при Пелагонии достигла Морей, весть двор (т.е. княгиня и другие знатные дамы - жены баронов и рыцарей) находился во дворце Лакедемонии - en el palacio de la Lacedaemonia (Libro de los Fechos, § 291). Там же его нашел и герцог Афинский, вернувшийся из Франции (Ibid., § 294). Думается, что под именем Лакедемонии здесь выступает именно Мистра, ибо мало вероятно, чтобы в это опасное время двор находился в разрушенной Лакедемонии. В арагонской версии вообще часто называется Лакедемония вместо Мистры. Например, она неоднократно упоминается как местонахождение императорского правителя (capitán del emperador), в то время, как ясно, что имеется в виду Мистра (§§ 439, 446, 473, 609, 641, 653). Кроме того, именно вновь построенные крепости явились частными владениями Гильома II Вильярдуэна (J.A.Buchon. Chroniques étrangères, p.100, note 2).

69. The Chronicle of Morea, 2990. Парижская рукопись дает другую трактовку этого места: "... т.е. что крепость и сейчас так называется (ibid.). Хаджимдакис не обратил внимания на эту трактовку, а между тем она не дает оснований для тех выводов, которые он делает, исходя из копенгагенской рукописи, и еще не ясно, которая из двух трактовок правдивее.
70. Γ. Ν. Χατζιδάκις, Γ.δ., σελ. 66.
 71. J.P.Fallmerayer. Op.cit., II, S.289.
 72. Ibid., S.287.
 73. Ibid., SS.292-293.
74. К.Гопф тоже, по-видимому, считал, что это название славянское, а не греческое (см. W.Müller. Op.cit., p.100, note 1).
75. Γ. Ν. Χατζιδάκις, Γ.δ., σελ. 58-59.
 76. Ibid.
 77. Ibid., σελ. 75.
78. Α. Μηλιαράκης, Οἰκογένεια Μανωῶνα, Ἐν Ἀθήναις, 1902, σ.21.
79. Βιβλίον Ἱστορικόν, σελ. 235.
80. И.Медведев. К вопросу о возникновении города Мистры. «Тезисы докладов» УП Всесоюзной конференции византистов, Томлиси, 1965, стр.27.
81. См. разбор этой литературы в III разделе статьи Иоганн Шмидт, озаглавленном «Spartas und Mistras Identifizierung bzw. Differenzierung» (Johanna Schmidt.Spar-

ta-Mistra. Forschungen über Goethes Faustburg.
„Goethe“, Neue Folge des Jahrbuchs der Goete-Gesellschaft, 18. Band, Weimar, 1956, SS.136-143).

82. La Guilletière, Op.cit., p.392 et suiv.
83. D.A.Zakythinos, Le despotat..., II, p.90.-
84. См. о НКХ: Johanna Schmidt, Op.cit., S.138.
85. Ibid., S.136.
86. Ibid., S.137.
87. J.A.Buchon. Recherches historiques, p.XLIX.
88. Ibid.
89. Ibid.
90. R.Hauschild, Op.cit., S.20.
91. И в этом же смысле мы вынуждены отказаться от нашего 6,7 тезиса к настоящему докладу, который гласит, что „расстояние в 5 км при сравнительно незначительном масштабе городов той эпохи является немалым“ и что „холм или гору, на которой была расположена Мистра, вряд ли можно считать пригородом или предместьем старой Спарты“ (см. И.Медведев, ук.соч., стр.28).
92. G.Castellani. Un traité inédit en grec de Cyriaque d'Ancone. Revue des Etudes grecques, tome IX, 1896, p.228.